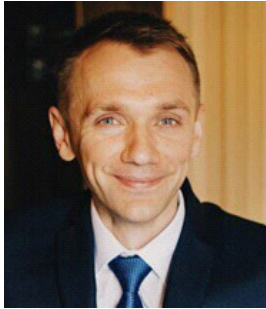

УДК 316.6

© **Сергей Венидиктов**
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь),
кандидат филологических наук, доцент

© **Sergei Venidiktov**
Head of the Social and Humanitarian
Disciplines dept. of the Mogilev Institute
of the Ministry of Internal Affairs (Belarus),
Ph.D in Philology, Associate Professor
e-mail: venidiktov@institutemvd.by

ИСКАЖЕНИЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается процесс искажения информационной картины действительности в пространстве массовой коммуникации. Проанализированы различные подходы к понятиям «информация», «массовая информация», «правда», «достоверность», «постправда». Показано, что вопрос о возможности объективного, «правдивого» отражения информационной действительности в медиадискурсе не имеет однозначного ответа. Предложены маркеры «правдивости» циркулирующей в медиасфере информации, а также маркеры «постправды» в цифровом пространстве. Автор приходит к выводу о необходимости переосмысления позиции СМИ в онтологическом и культурном пространстве.

Понятие «информация» (от лат. *informatio* — «сведение, разъяснение, ознакомление») имеет существенную особенность: частота его употребления и достаточно комфортно использование в различных сферах не ведут к установлению единого понимания. Среднестатистический человек использует слово «информация» для обозначения всего, что так или иначе связано с данными, сведениями, а также способами их хранения и передачи — цифровыми, вербальными, символическими и т. д. [1]. При этом словари и стандарты предлагают множество определений, общими элементами которых являются: знания (данные) о материальных или нематериальных объектах, воспринимающий субъект (человек либо специальное устройство), смысловой контекст и коммуникационный процесс. Причем придание смысла информации происходит в процессе ее интерпретации, что позволяет судить о наличии различий

между собственно данными, составляющими ядро информации, и знанием как воспринятой и субъективированной информацией.

Понятие «информация» используется во всех современных естественных, технических и гуманитарных науках, ее комплексным осмыслением занимаются такие науки, как информатика и кибернетика. И если первую интересуют способы получения, хранения, передачи и обработки семантической информации (более узкую задачу решает теория информации, которая занимается процессами хранения, преобразования и передачи данных), то вторая названная наука нацелена на установление общих закономерностей процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе [2]. Основатель кибернетики Н. Винер понимал под информацией «обозначение содержания, полученное нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему нас и наших чувств» [3], разработчик современной теории информации К. Шеннон — «сообщение, передаваемое в виде кодовых посылок по каналу связи» [4]. Толковый словарь С. Н. Ожегова фиксирует обыденное определение понятия «информация»: 1) сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством; 2) сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-либо [5]. «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова приводит практически идентичную трактовку [6].

В юридической практике принято считать информацией любые сведения, данные (материального либо нематериального характера), независимо от их оформления. Например, в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» информацией названы «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [7].

В настоящее время происходит переосмысление понятия информации, предпринимаются попытки объединить ее статические и динамические характеристики, преодолевая ограничения обыденного, философского и общенаучного подходов. Мы предлагаем понимать под информацией любые данные, наделенные смысловой нагрузкой и обладающие характеристиками полноты, достоверности, верифицируемости, адекватности, доступности, фиксируемости, а также определенным уровнем субъективности. В первую очередь, нас интересует социальный аспект понятия «информация», который реализуется в том случае, если сведения интенсивно и целенаправленно распространяются в социальных структурах с использованием специальных средств и технологий.

В этом случае речь следует вести о средствах массовой информации и о медийной системе в целом, оказывающих воздействие на общественную систему.

Представления о средствах массовой информации и о журналистике как социальной деятельности, ориентированной на создание образа реальности, максимально соответствующего объекту описания, основаны на традиционном утверждении о «познаваемом» мире, закрепившемся в философии начиная с XIX века. При этом вопрос о возможности объективного, точного, «правдивого» отражения информационной действительности в медиадискурсе не имеет однозначного ответа. Существующие подходы к проблеме основываются как на различных критериях оценки и анализа массовой информации как таковой, так и на различных позициях относительно профессиональной компетентности акторов пространства массовой коммуникации (в первую очередь, журналистов). Например, отбор фактов и их интерпретация, монтаж аудиовизуального ряда и редакция текстов, экспрессивная окраска высказываний, расстановка семантических акцентов, создание контекста для определенной информации — эти и другие неотъемлемые компоненты журналистской деятельности неизбежно подразумевают значительную степень субъективности, обусловленную индивидуально-личностными, профессиональными, идеологическими и коммерческими факторами. С этой точки зрения даже так называемые документальные жанры (не говоря уже о новостных репортажах, журналистских расследованиях и классической публицистике) не могут рассматриваться в качестве «правдивых» (отсылка к идее «потери смысла» в СМИ). Как утверждает А. В. Белоедова, «медиакартина мира не может быть точной копией самой действительности, поскольку отраженная реальность всегда упрощается и схематизируется, преломляясь через субъективно-личностную позицию журналиста. С другой стороны, медиакартина мира включает в себя явления, не имеющие аналогов в самой действительности (фактоиды, газетные “утки”, фейки и т. д.). Поэтому <...> создаваемая журналистикой картина мира не только отражает, но и конструирует особую социокультурную реальность» [8, с. 7]. Подобный подход соответствует философской доктрине конструктивизма, согласно которой мир представляет собой конструкцию человеческого сознания, интересной знаковой системы, — в противовес реализму, признающему познаваемость объективной реальности, наполненной объективной информацией.

Современные концепции стремятся снять ограничения полярных подходов, что привело к появлению понятия «конструктивный реализм», согласно которому «субъект в своей познавательной деятельности имеет дело с тем миром, который конструирует, при этом сконструированный мир является не фантастической конструкцией, а проекцией реального мира» [8, с. 3]. Проблема достоверности информации в медиадискурсе требует обращения к междисциплинарному подходу, использования методов гносеологии, логики, эпистемологии, лингвистики, теории коммуникации, этики и других областей. Например, в когнитивно-дискурсивном подходе [9] феномен достоверности «получил статус коммуникативной категории, которая имеет сложно выявляемое содержание, так как зависит от субординатного соотношения ряда признаков точности/неточности, информативной избыточности/достаточности и т. п., интердискурсивную репрезентацию, а также маркирована рядом речевых действий и паравербальных средств» [10, с. 254].

Понятие достоверности применительно к деятельности массмедиа предусматривает разграничение знания и мнения, факта и трактовки, описания и рассуждения — т. е. информации и ее понимания. В издании «Журналистика: краткий словарь» Б. Н. Лозовского понятие «достоверность» рассматривается с трех точек зрения: «1. Информация, не вызывающая сомнений, подлинная, реальная. 2. <...> речь идет о сведениях, соответствующих действительности, т. е. фактах, наличие которых при необходимости можно подтвердить юридически корректными процедурами. 3. В практике журналистики достоверными считаются сведения, публикуемые с обязательной ссылкой на источник» [11, с. 61–62].

Существующие подходы не снимают противоречия, связанные с критериями достоверности журналистской информации (что, например, находит выражение в популярных определениях типа «журналистика секонд-хенд», «фейковая журналистика», «постправдивая журналистика» и т. п.). Например, В. Д. Мансурова существование разрыва между реальностью и соответствующим ей медиасобытием объясняет распространением новых информационных технологий [12], т. е. мы сталкиваемся с ситуацией, когда объективный мир не способен вписаться в формат новой цифровой матричной реальности, формируемой медиа.

Полагаем в этой связи, что маркерами «правдивости» циркулирующей в медиасфере информации являются, помимо соответствия фактическим основаниям события либо сущностным характеристикам явления, логичность, последовательность, непротиворечивость, верифицируемость

(возможность быть подвергнутой проверке), полнота, открытое авторство, эвиденциальность. Последнее из перечисленных понятий отсылает к необходимости установления источника получения сведений, который может быть подвергнут проверке и дополнительному использованию. Точное, корректное указание на источник информации (государственные структуры, официальные лица, эксперты, ученые, представители гражданских структур, частные лица, общественность в широком смысле — например, в ходе социологических опросов) повышает доверие к медийным текстам, делает их более достоверными.

Таким образом, условием «правдивости» массовой информации может быть названо одновременное соблюдение критериев достоверности, точности и объективности тиражируемых сведений. Достоверность означает обращение к документально подтвержденным сведениям и свидетельствам очевидцев, наличие ссылок на первоисточники, корректное цитирование. Точность подразумевает использование корректной терминологии, статистических и числовых данных, специальной лексики и т. п. Наконец, объективность как самый «субъективный» критерий требует соблюдения плюрализма мнений, аргументированности позиции, недопустимости подмены фактов мнениями, использования надежных источников информации: «Объективность являет собой <...> способ предъявления информации, который исключает эмоции, <...> беспристрастно описывает, обеспечивает точность сведений и сбалансированность мнений, представляет конкурирующие точки зрения с тщательным использованием знаков цитирования, излагает информацию в разумной последовательности» [11, с. 166–167].

В последние десятилетия наблюдается тенденция к переосмыслению журналистикой понятия объективности, обсуждаются предложения использовать вместо понятия «объективная журналистика» концепты «реальная журналистика» и «транспарентность». А. В. Белоедова утверждает, что «правда» в отношении массовой информации представляет собой «комплексный феномен, учитывающий как внешние факторы (тип издания/канала, их идеологическая и экспрессивная модель, социально-исторический и политико-идеологический контекст), так и внутренние — функционально-стилистические, жанровые и языковые характеристики сообщений (документальные свидетельства, наличие ссылок, авторитетность источников, языковые маркеры)» [13, с. 53].

Стремление к тиражированию правдивых сообщений с этой точки зрения является также критерием профессионализма СМИ, фактором обеспечения свободы слова и гарантий информационной безопасности

личности и государства, условием поддержания устойчивости социально-политической системы. Отметим также феномен взаимообусловленности достоверной информации и воспринимающей ее аудитории: здесь необходимо принимать во внимание значительную степень субъективности «веры» даже в отношении верифицированных данных, что выражается в фильтрации информационных потоков и формировании личной повестки дня. В результате «правдивой» становится более востребованная информация, отражающая настроения в обществе (например, в протестных коммуникациях альтернативные данные имеют большее значение, чем официальный дискурс). В целом же универсальный критерий может быть сформулирован таким образом: «правдивой» считается информация, тиражирование которой увеличивает соответствие между объективной реальностью и создаваемой медиаресурсами субъективной картиной мира. Подобного подхода придерживался разработчик гносеологической теории информации Д. М. Маккей, который утверждает, что информация является истинной, если вносимые ей в систему изменения повышают степень соответствия между представлениями об объекте и самим объектом, и наоборот [14].

В модели коммуникационного акта, типичного для медийного пространства, важным фактором «правдивости» выступает также качество канала передачи данных, его устойчивость к манипулятивным воздействиям. Можно утверждать, что канал становится таким же значимым структурным элементом медиакommunikации, какими являются само сообщение, его получатель и отправитель. Цифровизация коммуникационного пространства, которая привела к коренным изменениям в моделях информационного взаимодействия социальных структур, обусловила трансформацию самого понятия правды в философско-коммуникативную категорию «постправды».

Феномен «постправды» (англ. *post-truth*), описывающий современное состояние публичного дискурса, в котором размываются границы между объективной реальностью и создаваемой медиаресурсами виртуальной средой, отражает важнейшие характеристики современного цифрового пространства в его социальном измерении — крайнюю неустойчивость, размытость образов, подверженность преднамеренным искажениям со стороны общественно-политических акторов [15]. Основным вопросом при изучении коммуникативных основ «постправды» является взаимодействие медийного нарратива (предлагаемые в СМИ факты и сопутствующие им интерпретации, которые имеют большее влияние, чем объективная реальность) с субъективными убеждениями массовой

аудитории. Причем искажение сообщений медиаресурсами может быть и непреднамеренным, вызванным как особенностями каналов передачи информации, так и субъективным стремлением к персонализации сообщений, что отражает творческий характер журналистской деятельности.

Ценность информации в «постправдивом» обществе определяется не критерием истинности/ложности, а ее способностью вносить изменения в социально-политическую систему, массово распространяться и потребляться, минуя этап критического осмысления аудиторией. Такая характеристика новой цифровой реальности предопределяет снижение уровня устойчивости общественных структур к информационной агрессии, подверженность манипулятивному воздействию — как результат деятельности традиционных и новых медиа.

Маркеры «постправды» в цифровом медиaprостранстве могут быть установлены по тем же показателям, что и маркеры «правды» (в данном случае предлагаем опираться на классификацию А. В. Белодовой [8]): а) общая направленность медиаресурса (общеполитическая, нишевая, провластная либо оппозиционная и т. д.); б) интенция конкретного сообщения (соотношение фактов и мнений, рационального и эмоционального, обращение к технологиям манипуляции); в) возможность верификации сообщения, его включенность в открытое тематическое поле (утраченный перформатив, ссылка на анонимные источники с большой долей вероятности указывают на искажение либо недостоверность сведений); г) смысловая и стилистическая целостность сообщения (заголовка, текста, визуального ряда, звуковых эффектов и т. п.); д) полнота, точность, достаточность, логичность информации, ее насыщенность цифровым (статистическим) материалом; е) обращение к авторитетному экспертному мнению (причем значение имеет степень нейтральности эксперта в отношении рассматриваемого вопроса); ж) характер аудитории конкретного медиаресурса.

Утверждению постправды как основы современного публичного дискурса, по мнению Б. Н. Лозовского [16], способствует не только трансформация социальной роли цифровых медиа, но и влияние на медиaprостранство политических акторов, а также характер массовой аудитории (изменение типа потребления информационного продукта). Например, государство заинтересовано в создании информационной матрицы, способной обеспечить поддержку проводимой политики и устойчивость социальной системы. Как итог — достоверные факты, относящиеся к альтернативному дискурсу, в дискурсе официальных СМИ вытесняются на периферию, что приводит к перенасыщению неподконтрольного

государству цифрового пространства политически релевантной информацией, к конфликтной политизации сетевой коммуникации. С другой стороны, аудитория оказывается не готовой к рецепции полного объема данных, необходимых для реконструкции медиареальности, приближенной по своим характеристикам к «правдивой». Создаваемая в информационном пространстве картина мира оказывается уже и схематичнее объективной реальности, но при этом обладает уникальными характеристиками подвижности и вариативности.

При этом существуют подходы, признающие саму «постправду» инструментом манипулирования общественным мнением. Например, В. А. Лекторский утверждает: «Разговоры о том, что все в мире сконструировано, что никто не знает, что имеет место на самом деле и что нельзя прорваться за пределы постправды к самой правде, — это способ дезориентировать человека и заблокировать его социальную активность» [17, с. 21]. В противовес медийной манипуляции сейчас получают распространение гражданские и профессиональные проекты формата «фактчекинг» (англ. *fact-checking* — «проверка фактов»), ориентированные на верификацию распространяемой средствами массовой коммуникации информации и восстановление объективной картины происходящего.

Таким образом, искажение реальности в информационном пространстве отражает как объективные противоречия в деятельности медийных ресурсов, так и субъективные свойства реципиента массовой информации [18, с. 40]. Отсутствие единства в подходах к понятиям «информация», «массовая информация», «правда», «достоверность» и др. приводит к крайней субъективизации публичного дискурса, появлению понятия «постправды» — даже не как оппозиции, а как альтернативы «правдивому» контенту СМИ. В такой ситуации, очевидно, возникает потребность в переосмыслении позиции СМИ в онтологическом и культурном пространстве.

Список основных источников

1. Венидиктов, С. В. Медиакommunikация в гражданском обществе: интеграционный ресурс : монография / С. В. Венидиктов. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2016. — 180 с.
2. Кибернетика [Электронный ресурс] / Толковый словарь Ожегова онлайн. — Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11004>. — Дата доступа: 23.02.2021.

3. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер; 2-е изд. — М. : Наука ; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. — 344 с.
4. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. — М. : Издательство иностранной литературы, 1963. — 830 с.
5. Информация [Электронный ресурс] / Толковый словарь Ожегова онлайн. — Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10048>. — Дата доступа: 23.02.2021.
6. Большой толковый словарь русского языка ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
7. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-3 : в ред. от 11 мая 2016 г. № 362-3 // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». — Минск, 2021.
8. Белоедова, А. В. Категория достоверности в современных журналистских текстах (теоретический и практический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Белоедова ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2018. — 22 с.
9. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : монография / Н. Н. Панченко ; науч. ред. В. И. Шаховский. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. — 322 с.
10. Ильинова, Е. Ю. Рец. на кн. : Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : монография / Н. Н. Панченко ; науч. ред. В. И. Шаховский. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. 322 с. / Е. Ю. Ильинова // Вестн. ВолГУ. — Сер. 2. Языкознание. — 2010. — № 2–12. — С. 252–254.
11. Лозовский, Б. Н. Журналистика: краткий словарь / Б. Н. Лозовский. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2007. — 306 с.
12. Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. Д. Мансурова. — Барнаул, 2003. — 39 с.
13. Белоедова, А. В. Способы оценки журналистской информации с точки зрения достоверности / А. В. Белоедова // Современный дискурс-анализ. — 2018. — № 3 (20). — Т. 1. — С. 53–58.
14. MacKay, D. M. Information, Mechanism and Meaning / D. M. MacKay. — Cambridge : The MIT Press, 1970. — 196 p.
15. Венидиктов, С. В. Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакommunikации : монография / С. В. Венидиктов. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. — 176 с.
16. Лозовский, Б. Н. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Б. Н. Лозовский. — Екатеринбург, 2011. — 40 с.

17. Лекторский, В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма / В. А. Лекторский // Философия науки и техники. — 2018. — Т. 23. — № 2. — С. 18–22.

18. Венидиктов, С. В. Медиаобразование как вакцина от инфодемии / С. В. Венидиктов // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций : сб. статей ; отв. ред. : И. В. Чельшева. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — С. 37–41.

DISTORTION OF MEDIA REALITY IN THE MASS MEDIA

The article examines the process of distorting the information picture of reality in the space of mass communication. Various approaches to the concepts of «information», «mass information», «truth», «reliability», «post-truth» are analyzed. It is shown that the question of the possibility of objective, «truthful» reflection of information reality in media discourse does not have an unambiguous answer. Markers of «truthfulness» of information circulating in the media sphere, as well as markers of «post-truth» in the digital space are proposed. The author comes to the conclusion that it is necessary to rethink the position of the media in the ontological and cultural space.

УДК 94 (476)

© **Александр Воробьев**

доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД (Беларусь),
кандидат исторических наук, доцент

© **Alexandr Vorobyov**

Associate Professor of Social and Humanitarian
Disciplines dept. of the Mogilev Institute
of the Ministry of Internal Affair (Belarus),
Ph.D in History, Associate Professor
e-mail: pax4@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 1917 – НАЧАЛЕ 1918 ГОДА И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ПОЛЬСКОГО КОРПУСА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ГЕНЕРАЛА ДОВБОР-МУСНИЦКОГО

Публикация посвящена влиянию на общественно-политическую ситуацию на территории Беларуси в конце 1917 – начале 1918 года бывшего польского корпуса старой (царской) русской армии под командованием генерала И. Р. Довбор-